

Игорь Каменный,
преподаватель Свято-Троицкой семинарии (Джорданвилль, США),
выпускник МДА 2004 года

КАК ЖИВУТ СЕМИНАРИСТЫ В АМЕРИКЕ

56

Решение стать преподавателем в Свято-Троицкой семинарии в Джорданвилле было для меня одним из тех жизненных поворотов, которых совершенно не ждешь. Поехать в Джорданвилль предложил мне Михаил Степанович Иванов, проректор Московской духовной академии, и предложение это сразу вызвало у меня противоречивые эмоции: желание реализовать себя в таком интересном месте соседствовало с определенной тревогой, поскольку об условиях, в которых предстояло жить и работать, я имел достаточно смутное представление.

Какие ассоциации вызывало слово «Джорданвилль»? Рисунок многокупольного храма в русском стиле на титульных листах книг, изданных РПЦЗ. «Закон Божий» Слободского, появившийся в России на рубеже 80-х—90-х годов и ставший для многих людей первой книгой на пути воцерковления. Семинарские учебники, написанные препода-

вателями Свято-Троицкой семинарии: «Толкование на Новый Завет» архиепископа Аверкия (Таушева), «История Церкви» Н. Д. Тальберга, «Догматическое богословие» протопресвитера Михаила Помазанского. Этим представления о Джорданвилле и ограничивались.

Я бросился к картам, атласам и энциклопедиям. Но нигде о таком населенном пункте ничего узнать не удалось. Уже прибыв на место, я посмеялся над своей наивностью: Джорданвилль — совсем небольшая деревенька с тремя-четырьмя десятками домов. Из достижений цивилизации в ней — только почта и библиотека. А Свято-Троицкий монастырь и семинария находятся еще примерно в 20 минутах ходьбы, в живописном месте, среди полей, лесов и озер.

Говоря о расположении здешней семинарии, вспоминаю такой эпизод из своей семинарской жизни. На уроке патрологии рассматривалось

архиепископ Аверкий (Тайшев)

святоотеческое учение об условиях богопознания. Святитель Григорий Богослов среди прочих условий богопознания называет освобождение от мирских забот, замечая при этом, что богословские и философские школы стремились расположиться подалеке от больших городов. Еще древние греки заметили, что пребывание на природе возвышает человека, открывает красоту Божьего мира. Комментируя святоотеческий взгляд, наш преподаватель игумен Андроник (Трубачев) привел в пример жизнь и учебу в стенах Троице-Сергиевой Лавры в сравнительно небольшом Сергиевом Посаде, сказав о преимуществах такого расположения в отдаленности от Москвы. Я тогда мысленно с этим согласился: будет ли польза от близкого расположения московских музеев и библиотек — еще вопрос, а вот вред от суеты большого города очевиден.

Троицкая семинария в этом смысле в еще более выигрышном положении: до ближайшего городка, где есть магазины — 6 миль (около 10 км), а город Ютика величиной с Сергиев Посад — по здешним меркам очень большой город — находится в 30–40 минутах езды на машине.

Теперь некоторые формальные сведения о самой семинарии: количество учащихся на пяти курсах в разные годы колеблется от 25 до 35 человек, то есть в среднем 5–7 человек на курсе. В семинарии преподают 14 преподавателей, так что можно говорить практически об индивидуальном обучении. Малочисленность учебных групп

облегчает как преподавание, так и восприятие учащимися излагаемого материала: обстановка на уроках лишена сковывающего официоза, учащиеся не боятся задавать любые, самые неожиданные вопросы.

Семинарская библиотека по своим фондам, конечно, несопоставима с библиотекой МДА, но при нынешних информационных технологиях доступ к необходимой для обучения информации для учащихся не является проблемой.

Вывести среднестатистический портрет здешнего семинариста очень сложно: за партой сидят и вчерашние школьники, и те, кому за сорок, выходцы из России, Украины, Казахстана, США, Германии, Бразилии, Венесуэлы. У каждого свой жизненный опыт, свой национальный менталитет, свой путь в Церковь.

Важная проблема Джорданвилльской семинарии — разноязычность студенческой аудитории. Для студентов предусмотрено годичное обучение русскому языку, и многие успешно им овладевают. Но знание языка на бытовом уровне недостаточно для глубокого усвоения богословских дисциплин. Думаю, что многие со мной согласятся, что чтение богословской литературы даже на своем родном языке — довольно непростое занятие. А умение формулировать свои мысли при рассуждениях на богословские темы требует не только особой подготовки, но и особого таланта. Ведь в богословии одно слово и даже одна буква (вспомним споры омоусиан и омиусиан) могут иметь огромное значение.

Что касается семинарской жизни, то, конечно, чтобы ее ощутить во всей полноте, нужно самому посидеть за партой, походить на послушания, пожить в студенческом общежитии. Поэтому мой взгляд — взгляд человека, лишь частично соприкасающегося с этой жизнью. Могу отметить характерную для монастыря и семинарии простоту в общении и отношениях между людьми. Здесь нет

Н.Д. Тальберг

недоступности и большой дистанции между учащимися и преподавателями, начальствующими и подчиненными. Приведу один пример: работа на монастырской кухне обязательна для всех, независимо от сана и занимаемой должности. Декан семинарии, архимандрит, несет свое дежурство по кухне наравне с семинаристами и монастырскими послушниками.

Непосредственная связь семинарии с монастырем, участие семинаристов в послушаниях и богослужбной жизни монастыря налагает свой отпечаток на семинарскую жизнь, делает ее более строгой. Например, ежедневное присутствие на Литургии для учащихся является обязательным, да и монастырские всенощные гораздо продолжительнее всенощных в Покровском храме МДА. Хочу поделиться своими впечатлениями от проведенного здесь Великого Поста, точнее, его первой седмицы. Распорядок монастырской (соответственно, и семинарской) жизни на первой седмице поста очень строгий. Трапеза — один раз в день, без растительного масла.

Богослужение, которое начинается в 5 часов утра, совершается без сокращений. Более того, чтение кафизм сопровождается чтением святоотеческих поучений. В службе делается получасовой перерыв для отдыха. Все совершается очень размеренно и не спеша. Так что оканчивается богослужение уже после 13 часов. Честно говоря, такой поря-

док у меня поначалу вызывал внутренний протест. «Конечно, — думал я, — монастырь есть монастырь, здесь все должно совершаться по уставу, без сокращений, но зачем так все растягивать, делать перерыв в службе, ведь можно было уже давно все закончить и идти отдыхать, а то ведь уже скоро вечерняя служба начнется». Своими мыслями я поделился с одним из насельников монастыря, на что он мне ответил: «Цель не в том, чтобы вычитывать все положенное и убежать из храма. Ведь пост — это особое время для молитвы. В нашем монастыре все построено так, чтобы молитвой был наполнен весь день».

Этот ответ заставил меня задуматься об истинном смысле поста. Жизнь монастыря на первой седмице поста построена так, чтобы ничто не отвлекало от молитвы: прекращаются не только занятия в семинарии, но и, по возможности, все другие послушания, в частности, останавливается работа типографии.

Рассказ о моих впечатлениях от пребывания в Джорданвилле был бы неполон без упоминания о тех чувствах, которые наполняют, наверное, каждого православного человека, оказавшегося здесь. Это чувство глубокого уважения и благодарности к людям, создавшим этот очаг церковности и богословского образования, чьими трудами и молитвами сохраняется русская православная традиция на американской земле.